

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утром 6 апреля 1945 года начался штурм Вены. С юга и востока на город наступали две советские армии — 4-я и 9-я Гвардейские. Гитлеровцы сопротивлялись с невиданным упорством. Это был последний бастион на пути к южной части Германии. В районе Вены находились последние месторождения нефти, которые рейх мог использовать в военных целях.

Фюрер бился в истерике, призывая солдат держаться. Вену окружили противотанковыми рвами, город оцетинился стальными ежами и противопехотными заграждениями. На улицах строили баррикады, почти все каменные здания превратились в крепости для многодневной обороны. Саперы заминировали все мосты через Дунай.

Живой силы для удержания города было достаточно — Вену обороняли остатки танковых и пехотных дивизий из состава 6-й танковой армии СС, курсанты венской военной школы, полтора десятка отдельных батальонов. Для участия в уличных боях из состава полиции сфор-

мировали четыре полноценных полка. С самого начала битва приняла ожесточенный характер. Немцы яростно отбивались, бросались в контратаки.

Но наши войска продвигались, давили сопротивление. 6-я Гвардейская танковая армия обходила город с запада — предотвращая отход врага в этом направлении. Танки преодолели сложный массив Венского леса, обогнули город и через сутки вышли к Дунаю. Вены зажали с трех сторон.

Уличные бои не стихали, с боем брали каждый дом. Группа разведчиков под проливным огнем разминировала Райхсбрюке — главный городской мост. Венскую группировку рассекали на части и методично добивали. Войска, наступающие с юга, соединились в центре города с танками 6-й Гвардейской армии. Гарнизон еще сопротивлялся.

11 апреля советские войска форсировали Дунайский канал — и сопротивление нацистов было сломлено. Остатки группировки сдавались в плен, небольшому количеству военных удалось прорваться в северном направлении...

Восточнее Вены, километрах в пятидесяти, расположился городок Абервельд — компактное поселение на двенадцать тысяч жителей. Город окружали живописные холмы. По Абервельду петляла и убегала в Богемию речушка Права, обрамленная крутыми берегами. Жизнь текла

размеренно, в городе стоял небольшой гарнизон, несло службу подразделение Ваффен-СС.

Внезапное наступление Красной армии нарушило привычный покой. В успех русских здесь не верили. То, что они прошли Румынию, Венгрию, часть Польши, — это одно, но здесь, на рубежах тысячелетнего рейха, такое невозможно! До последнего не укладывалось в головах. Считалось, что немецкая армия не будет отступать бесконечно и когда-нибудь перекроет дорогу диким ордам.

Австрия казалась неприступной. Часть священной земли — незабываемый аншлюс 1938 года, Венская опера, Штраус, Шуберт, родина фюрера...

Но все обернулось крахом. 12 апреля, когда в столице еще стреляли, из Абервельда вышла на север колонна грузовиков «Опель-Блиц» с захваченными кузовами. Две машины шли с грузом, третья перевозила пехотинцев, они носили руны «зиг» в петлицах и имели на вооружении автоматы STG-44 — недавнюю разработку германских оружейников. Охрана двигалась впереди, замыкал процессию легковой «Мерседес» с опущенным верхом.

Красная армия еще не подошла, эвакуацию не объявляли. Гарнизон получил приказ обороняться до последнего. Только упомянутая колонна в этот день покинула город. Она шла по единственной дороге в северном направлении.

До ближайшего городка Гуфштадт было двенадцать километров. Дорога змеилась вдоль холмов по живописной местности. Перелески перемежались скальными массивами.

Эвакуировались оборудование и продукция секретного предприятия. Гауптштурмфюрер Горман сидел рядом с водителем «Мерседеса», нервничал и кусал губы. Почему не сделали этого раньше? Трезвые головы прекрасно понимали, что Австрия обречена, почему тянули до последнего, на что рассчитывали? Даже в столь тяжелое время военная бюрократия не может не удивлять!

Гауптман Горман был исполнен дурных предчувствий, интуиция подсказывала, что добром это дело не кончится. Его чутье в этот день не подвело.

Советская разведка имела сведения о планах противника. Взвод парашютистов сбросили в квадрат перед рассветом — на полпути между Абервельдом и Гуфштадтом. Населенные пункты на маршруте отсутствовали, преобладала скалистая местность. Немецкая ПВО уже фактически не работала, в воздухе господствовала советская авиация.

Десант сбросили на малой высоте, самолет растворился в низкой облачности. Старший лейтенант Кузнецов имел задачу воспрепятствовать движению колонны. В идеальном случае — захватить, в крайнем — уничтожить. Имелись точные данные, в котором часу она пройдет.

Парашютисты заняли выгодные позиции среди скал. Колонна попала под шквальный огонь из автоматов ППШ и ручных пулеметов Дегтярева. Попытка немцев прорваться потерпела неудачу. Колеса головной машины превратились в лохмотья. Пехотинцы покинули кузов, рассредоточились у дороги. Их расстреливали со скрытых позиций в скалах. Надрывал глотку гауптштурмфюрер Горман. Пятились грузовики с зачехленными кузовами. Они перевозили хрупкий и дорогостоящий груз. Водители вывели машины из опасной зоны. Объездная дорога отсутствовала.

Силы были примерно равны, но советские десантники имели тактическое преимущество. Они рассредоточились на гребнях скал и имели возможность поражать даже лежащие мишени.

Гауптштурмфюрер отдал приказ: сбросить противника со скал! Эсэсовцы безропотно пошли в атаку, половина полегла под проливным огнем, остальные откатились назад. Горман сорвал голос, но продолжал кричать — и докричался: его бездыханное тело осталось в канаве водостока.

Эсэсовцы дрогнули, стали отходить. Из Абервельда прибыла подмога — два грузовика с солдатами вермахта. Режим секретности уже не играл никакой роли.

Пехотинцы имели ручные гранатометы «Панцерфауст». Позиции десантников заво-

лок густой дым. Взвод Кузнецова нес потери, но держался. Старший лейтенант мрачно шутил: «Как в Сталинграде, черт возьми, ни шагу назад!»

Несколько раз противник бросался в атаку и отходил. Горстка десантников зубами вцепилась в клочок каменистой земли. Противник потерял не меньше тридцати человек и уже начинал понимать, что дорога на север ему заказана. Попытки обойти десантников не увенчались успехом.

Пехота отступила, грузовики с ценным грузом развернулись и покатали обратно в город. Сил для прорыва уже не было.

Гарнизон Абервельда был небольшой, силы требовались для защиты города. И майор Клаустерманн, возглавлявший оборону, принял смелое решение: послать «параллельное» ведомство к чертовой матери! Почему его люди должны умирать за секреты СС? Пусть сами ищут выход из создавшейся ситуации.

Колонна отступила, вырваться другой дорогой даже не пыталась — иначе бы ее засекли. Да и не так уж много было выездов из города.

У старшего лейтенанта Кузнецова в строю осталось двенадцать бойцов. Скончались двое раненых. Командир принял решение сменить позицию. Парашютисты отступили на север, метров через пятьсот заняли новую позицию, установили пулеметы. Проезжую часть замини-

ровали радиоуправляемыми фугасами и стали ждать.

Остаток дня и ночь прошли спокойно. Прошел еще один день. По радиации сообщили: «Вена наша! Войска продолжают наступление!»

Но вокруг Абервельда образовался какой-то вакуум — островок спокойствия среди хаоса войны. Наутро загрохотала канонада — на юге шел бой. Гремели взрывы. По дороге из Абервельда потянулись беженцы, проехала санитарная машина, забитая ранеными. Этим людям парашютисты не препятствовали. Колонна с грузом не появлялась — даже разбитая на части. Военские подразделения Абервельд не покидали — сражались до последнего за своего бесноватого фюрера...

К полудню 14 апреля сопротивление на южных подступах к городу было сломлено. Разбитые подразделения уходили в город. Абервельд был компактным поселением, занимал площадь в шесть квадратных километров. Мобильные подразделения на полуторках зашли с флангов, перекрыли северные предместья, окончательно замкнув кольцо.

Городок был нарядный, из орудий по зданиям не стреляли — да и надобность такая отсутствовала. Отходящие немцы вели беспорядочный огонь, разбегаясь по улицам. Эсэсовцев среди защитников не осталось, сопротивление потеряло смысл. В плен сдавались не массово,

большинство все же надеялось сбежать. Солдаты бросали оружие, прятались в домах. Кто-то переодевался в гражданское платье, надеясь раствориться в массе мирных жителей...

Городские улицы прочесывали передовые подразделения. Хлопали выстрелы, истошно голосила женщина. Автоматчики с красными звездами на шапках выгоняли на улицу безоружных фрицев, те садились на колени, поднимали руки. В город с южного предместья вошла колонна бронетехники. Лязгали траками танки «Т-34», тяжелые «ИС» и «КВ».

Улица Фельдбергассе пересекала западную часть городка, тянулась к северной окраине. Войска спешили покинуть город, направлялись на Гуфштадт. Двухтонные «ГАЗ-ААА» и американские «Студебеккеры» тянули штурмовые орудия. Полуторки везли полевые кухни и личный состав. Пехотинцы двигались по дороге пешим строем — отдувались, с любопытством глазили по сторонам.

Весна была в разгаре, светило солнце. Идеальные плюс пятнадцать (а на солнце и того больше), бодрящий ветерок. На деревьях и кустарниках распускались почки. Переход на летнюю форму еще не объявили, но шинели у большинства бойцов были скатаны, висели через плечо.

Голова колонны преодолела предместье, втянулась в город. Населенный пункт факти-

чески зачистили. Автоматчики сгоняли в кучи пленных — бледные солдаты вермахта тоскливо смотрели на проходящие мимо советские танки. Из пеших колонн доносились язвительные выкрики, бойцы показывали немцам неприличные жесты. Где та Красная армия, которую можно было безнаказанно гнать на восток в 41-м?

Группа сотрудников контрразведки 38-го стрелкового корпуса передвигалась вместе с колонной. Пока их маршруты совпадали. Два «ГАЗ-67», имевшие весьма боевой (то есть побитый) вид, пристроились за грузовиком с пехотой. За «газиками» шел фургон, напоминающий будку, — служба радиопеленгации. За фургоном полуторка с автоматчиками лейтенанта Маркуши — бойцы были приданы оперативной группе и подчинялись ее начальнику, майору Гордину.

Майор сидел рядом с водителем внедорожника, рассматривал карту у себя на коленях. Иногда поднимал глаза, фиксируя необычные виды, потом опять утыкался в карту. Наконец аккуратно сложил ее и втиснул в кожаный планшет.

Майору недавно исполнилось тридцать три, он был сравнительно высок, поджар, имел правильные черты лица, с которого не сходила нахмуренность. Андрей Гордин второй месяц возглавлял оперативный отдел контрразведки 38-го корпуса 9-й Гвардейской армии и уже мог по-

хвастаться парой легких ранений, несколькими обезвреженными диверсионными группами и рядом нейтрализованных шпионов (не всех, к сожалению, удалось взять живыми).

Текущее задание откровенно раздражало. Сведения были скудные, круг вовлеченных лиц не уточнялся, площадь поиска приличная. И слишком туманно выглядел объект охоты. Он считался важным — не зря же так усилили группу: в подчинении майора, помимо радиотехников и автоматчиков, находились шесть оперативных работников: трое сидели в головной машине, остальные — в ведомой.

— Во дают, — присвистнул сидящий за баранкой молодой лейтенант Несмелов — в меру смысленный, имеющий дурное обыкновение улыбаться даже там, где не надо. Объектом внимания стали два бойца отнюдь не богатырского сложения. Они выгнали из подворотни десяток безоружных немецких солдат. Пленные спотыкались, тянули вверх руки — словно к гимнастическому турнику, пугливо косились через плечо. Эти двое напоминали пастушков, усмирявших непокорное стадо. Немцы сбились в кучу, что-то лопотали, а наши бойцы орали на них, заставляя сесть и заткнуться.

Рассмеялись Булычев и Свечников, сидящие сзади.

— Ну и куда нам столько пленных, товарищ майор? — недоумевал Несмелов. — Их же по-

ить-кормить надо, где-то содержать, людей выделять на охрану.

— Пусть будут, — проворчал Гордин. — Не твоя забота, лейтенант. Пусть у пехотного начальства голова болит.

Колеса постучали по старинной брусчатке. Мимо проплывали невысокие двухэтажные дома с причудливой архитектурой. Островерхие крыши, многие из них имели по четыре ската, балконы, увитые пока еще голыми вьюнами. Здания не отличались размерами, имели окна с белыми обводами. Кое-где в горшках уже распускались цветы.

Ближе к центру этажность подрастала — появлялись трех- и четырехэтажные дома. Здесь традиционно использовался стиль фахверк — когда опорные конструкции установлены снаружи, а не внутри здания. Мирные жители выглядывали из окон, прятались за занавесками. Выходили самые решительные, мялись у дверей. Советские пехотинцы дружелюбно махали им руками. За западной окраиной возвышались холмы, практически горы — покатые, сверху до низу обросшие растительностью.

— Эх, Альпы, вот вы какие... — с подозрительной мечтательностью выдал Несмелов.

— Это не Альпы, товарищи невежды, — покосился на него Гордин, — Альпы в Австрии — это Тирольская область, еще какие-то дальше, на запад.

— А здесь что? — спросил широкий в кости обладатель обманчиво добродушного лица — старший лейтенант Свечников.

— А здесь ничего, — пожал плечами майор, провожая взглядом остроконечный шпиль католической церкви, — просто Нижняя Австрия. На востоке Словакия, на севере Богемия — обе рядом, километрах в пятидесяти. В Европе все рядом, это вам не Сибирь-матушка.

— И не Урал-батюшка, — хмыкнул Несмелов. — А чего австриячки-то такие страшные, а, товарищ майор? Вы только посмотрите, лучше бы дома сидели, не высовывались...

— Это ты еще немок не видел, — улыбнулся Андрей.

Хохотнул старший лейтенант Саня Булычев — малосимпатичный, с корявым, усыпанным оспинами лицом, — любитель ворчать и все подвергать сомнению.

— А вы их видели, товарищ майор? — спросил Булычев. У него и голос был корявый — надтреснутый, пугающий. — И где вы их, интересно, могли видеть?

— Под Варшавой, боец, — объяснил Андрей. — И в самой Варшаве, не все тогда уехали. Этнических немцев в Польше предостаточно. Фольксдойче их называют. Большинство, конечно, дали деру, когда германец побежал, но многие остались, некуда им было бежать. Да и не больно-то они привечали фашистский ре-

жим... В общем, наши женщины красивее, спору нет, и это еще мягко сказано.

— Разберемся, — хмыкнул Свечников. — Кстати, товарищ майор, нас еще не ввели в курс дела. Сведения поверхностные. Что конкретно мы ищем в этом городе? А вдруг вас убьют, что тогда? Сами-то не узнаем.

— Ну, спасибо, Валентин, — Гордин чуть не поперхнулся. — Простой ты парень — как три копейки. Не скажу — а то вам будет неинтересно. Ладно, скажу, но не сейчас.

Он сам владел лишь общими сведениями. В окрестностях Абервельда с 1940 года работала секретная фабрика по производству фальшивок: печатала фунты стерлингов, рубли, ценные бумаги, фальшивые документы — и качество их было такое, что они ничем не отличались от настоящих. Фальшивки имели настоящие водяные знаки, были изготовлены из настоящей бумаги, и производилось все это в промышленных масштабах. Четыре года именно здесь выпускали продукцию, способную подорвать экономику любого развитого государства. И если это не удалось, то исключительно благодаря трудностям сбыта. Предприятие работало в режиме секретности, охранялось подразделением СС и многочисленными людьми в штатском. По данным, поступавшим от осведомленных лиц, оборудование демонтировали, попытались вывезти, но не смогли — советский десант пере-

крыл дорогу. Где теперь это добро? Ясно, что поблизости, больше нигде. Но где именно? СС до последнего дня охраняло гостайну, и трудились там люди с воображением. Где именно работала типография — неизвестно, подобраться к ней разведчики так и не смогли. Но о том, что объект в Абервельде, знали точно. Начальство требовало его найти — любой ценой и в кратчайшие сроки. При этом отсутствовали зацепки и гарантировалось упорное сопротивление немцев.

— Да, симпатичная страна, — выразил свое мнение Несмелов. — Это так, если отвлечься. Природа красивая, домики забавные, воздух какой-то необычный, даже в Венгрии он был не такой...

— И Гитлер родом из Австрии, — в тон ему продолжил Гордин. — Есть в этой маленькой стране такой городок, Райнсхофен называется.

— Seriously? — смутился Несмелов. — Не знал. Тогда виноват, товарищ майор, беру свои слова обратно. Отвратительная страна, и воздух здесь поганый...

Офицеры сдержанно посмеялись.

Колонна тянулась черепахой, но половину городка уже прошли. До боковой улицы Вензайле, где дорожки оперативников и наступающей армии расходились, остался один квартал.

Гордин привстал, посмотрел назад. Второй «газик» не отставал. За рулем сидел лейтенант

Олег Романчук — статный, привлекательный парень, грамотный сотрудник, но тот еще лове-лас и дамский угодник. Обнаружив впереди себя строгий командирский взгляд, Романчук перестал подмигивать местным кралям и сделал важное лицо.

Рядом с ним сидел капитан Алексей Зинченко и настороженно смотрел на мир из-под косматых бровей. В любой ситуации он сохранял серьезность и выдержку. Чувством юмора природа его не обделила, но пользовался им Алексей редко.

На заднем сиденье, как король на именинах, развалился лейтенант Яша Лапчик — неприлично молодой, невысокий, ушастый, с доверчивым детским лицом. Качествами, чуждыми оперативнику — жалостью, доверчивостью, сочувствием к врагу, — Яша не страдал, а располагающую внешность и богатую мимику использовал в основном по делу. Расположить к себе любого человека для Якова не составляло труда.

Впереди раздались выстрелы, колонна встала. Несмелов зазевался, опоздал с тормозом и чуть не протаранил бампер передней полуторки.

Прогремел взрыв, заработал танковый пулемет. Солдаты посыпались через борт грузовика, побежали в дым. Непримириемых в этом городе было мало, но все же парочка нашлась. Колонну обстреляли из гранатометов. Серьезного ущерба не причинили, но движение застопорилось. За-

стучали вразнобой ППШ. Дернулся Несмелов, собрался бежать — автомат находился между коленями. Андрей схватил его за рукав.

— Куда?! Забыл, где твой шесток?

Сильно раздражало, когда кто-то рвался выполнять не свою работу. Хорошую поговорку придумали про сапожника и пирожника. Несмелов опомнился, откинулся на спинку сиденья. Дошло наконец-то: убьют дурака — с кем товарищ майор будет биться за успех своего мероприятия?

Остальные сохраняли спокойствие, только ближе подтянули автоматы. Яша Лапчик продолжал заразительно зевать.

Из кабины фургона высунулся лейтенант Гусев, начальник радиотехнической группы, повертел головой, поморгал и спрятался. Этот точно в бой не полезет — да и кто его пустит, с его-то головой, забитой такими важными знаниями?

Колонна простояла минуты три. Красноармейцы извлекли из-под ограды двух бледных, как смерть, фрицев, провели краткое совещание: сразу прикончить или дать еще пожить? Кто-то засмеялся: с такого расстояния надо суметь промазать! В инциденте никто не пострадал, поэтому суровое наказание не вынесли, погнав пленных в общую кучу.

— Мужики, без нас не воюйте! Скоро догоним!

Колонна со скрипом двинулась дальше. У водителя будки заглох мотор. Он долго громко выражался, насиловал стартер, выслушивая ругательства лейтенанта Гусева. Потом выскочил из кабины, побежал заводить машину с толкача. Встал следующий за ним грузовик с бойцами Маркуши. Брешь в колонне мгновенно заполнили пикапы «ГАЗ-4», перевозящие боеприпасы.

Андрей поморщился — ладно, догонят, не маленькие. Маркуша знает, куда ехать. Он откинулся на сиденье, закрыл глаза — и сразу пожалел об этом. В ушах возник протяжный вой падающей мины, застонали раненые, потянул к нему обрубок руки посеченный осколками капитан Гапуров... Покоя на войне не было, переживания наваливались всякий раз, когда майор пытался отдохнуть. Приятных воспоминаний почему-то не возникало.

Андрей открыл глаза, перевел дыхание. Мимо проплыло трехэтажное здание песочного цвета с черепичной крышей. Оконные проемы первого этажа превратились в труху. Немцы пытались здесь закрепиться, их уничтожили кинжальным огнем из станкового пулемета. Из окна свесился мертвец в пехотной форме. Каска слетела с головы, в светлых волосах запеклась кровь. Под фундаментом валялся использованный фаустпатрон.

Колонна невозмутимо проследовала мимо. Радиотехники и люди Маркуши порядочно отстали.

— Вправо давай, — бросил Гордин.

Несмелов завертел баранку, вписываясь в узкую улочку. Колонна двигалась дальше по Фельдбергассе. Романчук свернул за командиром. Остальные отстали. Вензайле оказалась предельно узкой, разъехаться двум машинам здесь было трудно. Но это была кратчайшая дорога к ратуше.

Над головами нависли закрашенные стены. Здесь стояли сравнительно высокие здания. Окна начинались с третьего этажа. Под колесами поскрипывала выщербленная брусчатка. Из здания вышла женщина средних лет в смешном берете, застыла, охваченная страхом — словно кролик, освещенный фарами. Несмелов притормозил, надавил на клаксон. Дама вышла из оцепенения, спряталась обратно в подъезд. Комментировать не стали — страхи местных жителей понятны.

Через сто метров улочка оборвалась, внедорожники выехали на безлюдную площадь. Продолжалась брусчатка — древняя, отшлифованная до блеска колесами и ногами.

Несмелов повернул влево — и словно в яму попали. Грохот колонны на Фельдбергассе стал глухим и невнятным. А когда водители по команде заглушили двигатели, тишина зазвенела так, что голова с непривычки закружилась.

— Перекур, товарищ майор? — предположил Несмелов. — У вас такое лицо, словно мы заблудились.

— Да ладно, не тайга, — фыркнул в затылок Булычев.

— Перекур три минуты, — бросил Гордин. — Можете ноги размять.

Отпуская одобрительные замечания, оперативники выбрались из машин, стали осматриваться. Защелкала зажигалка.

— Это главная площадь в городе, товарищ майор? — спросил Лапчик. — Слабовато как-то. Наша Красная площадь внушительнее будет.

— Нет, еще не приехали. Магистрат дальше. Понятия не имею, что это за площадь. Попробуем сориентироваться.

Главное административное здание, похоже, хорошо спрятали. Красная армия шла без остановки, в городе решили разместить лишь небольшой гарнизон. Площадь была компактной, чистой и, как и все в этой стране, смотрелась нарядно. «Кукольные» трехэтажные здания окружали мощный брусчаткой пятак. В центральной части возвышался ступенчатый постамент, его венчала клумба, к которой давно не прикасалась рука садовника. Крыши строений имели причудливые очертания — словно спаренные остроконечные башенки. Стены и балконы оплетали стебли вьюнов. Здания стояли плотно, практически без просветов, каждое строение имело собственный стиль.

— Красиво, черт возьми, — пробормотал впечатленный Романчук. — Забавные домики.

А летом, когда все цветет, наверное, глаз не оторвать...

— Так, оставили при себе прилагательные в превосходной степени, — проворчал Гордин, — будьте внимательны, красота пока еще стреляет.

На северной стороне возвышалось опрятное здание со шпилем. К нему примыкали такие же «кукольные» домики. Но застройка в северной части была не сплошная — между зданиями имелись проезды. Туда, очевидно, и надо было направляться. Площадь не предназначалась для автомобильного движения, но ничто не мешало машинам проехать. В восточной части пятака пролегалла аллея с молодыми вязами. Каждое дерево росло на своеобразной клумбе, обрамленной плиткой. Листва еще не распустилась, но уже зеленели почки, заплетались ветки. Каждое дерево имело несколько стволов, произрастающих из одного корня. Деревья заслоняли часть зданий, хотя и не служили полноценным экраном.

В юго-восточной части площади виднелся еще один переулок. Оттуда вышло отделение красноармейцев. Они держали автоматы наготове. Усатый сержант махнул рукой — бойцы рассыпались: часть пошла по площади, другие прижались к стенам, двинулись гуськом.

Город еще не прочесали, опасность обстрела существовала. Сержант заметил кучку офицеров, кивнул. Гордин махнул рукой: занимайтесь,

товарищи. Бойцы прошли через площадь. Двое забежали в подъезд, быстро вернулись. Сержант что-то крикнул — еще трое устремились к зданию со шпилем, исчезли внутри — и тоже не задержались. Отделение растворилось в дальнем переулке. Эти люди физически не могли проверить каждый дом, проводили лишь поверхностный осмотр — другого от них и не требовали.

— По машинам, — скомандовал Гордин, — хватит курить.

— Смотрите, товарищ майор, там опять кто-то идет, — обнаружил капитан Зинченко. — Ого, да не один...

Офицеры насторожились. Здание на дальней стороне отчасти закрывали деревья. Незнакомцы вышли из единственного подъезда и бодрым шагом двинулись по тротуару. Сначала их было трое, потом догнал четвертый. Мужчины шли гуськом, явно спешили. Два «газика» и группу военных за деревьями они почему-то не заметили, но видели солдат, прочесывавших площадь. В этот подъезд подчиненные сержанта не заглядывали. Мужчины были в штатском — рослые, подтянутые, с видимой офицерской выправкой. Идущий впереди постоянно озирался, поторапливал остальных. По сторонам эти люди не смотрели, спешили в переулок. Замыкающий обронил шляпу, бросился ее ловить, потом надел на голову. Аллея оборвалась, незнакомцы вышли на открытый участок.

Возникло напряжение, майор машинально потянулся к автомату. Процессия не сбавляла ход. Замыкающий обернулся — и просто не мог не заметить военнослужащих Красной армии! Он явно испугался, что-то бросил товарищам. Те ускорили шаг, не оглядывались.

— Всем укрыться за машинами, — приказал Гордин и крикнул по-немецки: — Господа, задержитесь на минуту! Стоять, вам сказано!

Нет, они не собирались стоять! У замыкавшего процессию распахнулись полы плаща, под ними показался автомат. Он ударил, не целясь, от живота. Молодое лицо раскраснелось от злости. Наши уже укрылись за машинами. Пули посыпались, отскакивая от отшлифованного камня, погнули бампер. Открыли огонь остальные — один из автомата, у других были «Люгеры».

Трое пустились наутек. Последний остался, стал пятиться, сверкая глазами, выщелкнул из автомата опустевший магазин. Оперативники поднялись, открыли дружный огонь по неприкрытой мишени. Подломились ноги, мужчина упал. Остальные уносились как зайцы. Явно военные люди и, судя по выправке, не рядовые. Они бежали к переулку.

Разве можно такое игнорировать?! Оперативники продолжали стрелять, повалили еще одного. Двое ворвались в переулок. «А ведь это СС, — мелькнула мысль. — Большая вероят-

ность, что именно они! Офицеры вермахта уходили со своими солдатами, не стали бы прятаться, переодеваться. Исключения бывают, но, как правило, именно так. А что может делать СС в этом городе? Только заниматься вопросами безопасности требуемого объекта!»

Ноги сами вынесли из-за машины, Андрей припустил наперерез, через площадь, промчался мимо мертвеца, перепрыгнул через второго — голубоглазый ариец в клетчатом пиджаке судорожно цеплялся за жизнь.

Майор вбежал в переулок, ударил очередью, ушел вбок — как чувствовал, что последует ответ. Предательский липкий страх, когда остаешься один на один с этими проклятыми пулями! Он выстрелил наугад, прыжками бросился обратно. Едва свернул за угол, водосточная труба на углу превратилась в решето.

— Командир, глупо! — злобно выкрикнул Зинченко. — Не лезь туда, сами закончим!

— Товарищ майор, не спешите умереть, мы без вас слепые и глухие! — выкрикнул возбужденный Несмелов.

Двое высунулись из-за угла, стали проводить огневую зачистку. Пули рикошетили от стен, звонко били стекла. В здании испуганно закричала женщина. Олег Романчук, качая «маятник», бросился в переулок — хорошо, что повернулся фонарный столб. Он прижался к нему плечом, лицо позеленело, рука с ППШ повисла

плетью. Пули застучали по металлической трубе, отскакивая во все стороны.

— Романчук, ты как? — крикнул Андрей.

— Не очень, товарищ майор! Неуютно тут... Столб тоньше, чем я!

Выжившие прятались за пилястрами, пятились, перебежали. У рослого здоровяка с холерной мордой кончились патроны, он отбросил бесполезное железо, выхватил «Парабеллум». Четвертый был ниже, прятался за широкой спиной товарища, экономно расходовал патроны. Он что-то крикнул здоровяку и прыжками кинулся на угол здания. Там виднелся проход. Споткнулся, но все-таки добежал, ушел за поворот.

Здоровяк отступал, но сдали нервы, припустил, пригнув голову. Оперативники выскочили из-за угла. Расстался с фонарным столбом лейтенант Романчук, вскинул автомат. Здоровяк споткнулся, покатился, обливаясь кровью, по брусчатке. Попадание было точным и не единственным. Выживший немец, не целясь, стрелял из-за угла. Шальные пули не кончались. Но и у этого субъекта иссякли патроны, отбросило затворную раму. Он пустился наутек, выбросив бесполезный пистолет.

— Эх, годы молодые! — задорно выкрикнул Несмелов, бросаясь в погоню, врезался плечом в стену, запутались ноги. С ревом идущего на таран штурмовика промчался старший лейте-

нант Свечников, вписался в поворот, затопал по проходу.

Когда остальные вбежали в узкий переулок, Свечников уже догнал немца — тот потянул ногу, бежал, прихрамывая. Старший лейтенант лихо провел подсечку, и немец разбил лицо о брусчатку. На нехватку мышечной массы Валентин не жаловался — схватил фашиста за шиворот, стал поднимать. Тот брыкался, шипел, давясь кровью. Это был мужчина средних лет с седым пробором. В глазах кипела ярость. Он разбил себе нос, выплевывал зубную крошку из разбитого рта. Валентин схватил его за ворот, прислонил к стене. Немец тяжело дышал, поедал глазами ненавистных русских.

— Молодец, Валентин, — похвалил Андрей.

— Да, в этом я хорош, — заулыбался Свечников, подмигивая Несмелову, — тот обиженно дул губы, держась за отбитое плечо.

Приступить к беседе не удалось — а она обещала стать такой продуктивной! Немец удивил — вдруг резко вырвался, отпуская крепкие ругательства в адрес проклятых большевиков, ударил Свечникова в живот. Валентин от неожиданности отпрянул, закашлялся. Остальные тоже удивились. Немец стал вырывать автомат у Булычева. Но за свою собственность старший лейтенант стоял горой. Он двинул немца в челюсть. А когда тот снова полез в драку, схватил за ворот и сильно толкнул. Саня перестарался,

но он этого не хотел! Немец ударился о каменную стену затылком, треснула кость. Глаза фашиста остановились, он сполз по стене с приоткрытым ртом, волоча за собой кровавую дорожку, сел неловко — явно не жилец. Андрей пихнул его носком сапога — ради проверки. Безжизненное тело завалилось на бок. Тускло блеснули мертвые глаза.

— И зачем ты это сделал? — майор мрачно уставился на Булычева. Понабрали в свое время спортсменов в НКВД, до сих пор работают по принципу «сила есть — ума не надо».

— Ему-то что, не он же поймал этого гада... — простонал, разгибаясь, Свечников. — Булычев, ты бы сразу сказал, что убьешь, я не стал бы с ним возиться. Черт, как больно...

— Пни его, разрешаю, — хмыкнул Гордин. — Да не Булычева, хотя и его можно...

— Виноват, — смутился Булычев и опустил глаза. — А чего он бросился на меня, как ошпаренный...

— А вы его вечным дневальным назначьте, товарищ майор, — посоветовал Лапчик. — Лишь бы кулаками махать, головой вообще не думает.

— Сказал же, виноват, — процедил Булычев.

Андрей пристроился на корточки, вынул документ из внутреннего кармана убитого.

— Что пишут, товарищ майор? — оживился Несмелов.

— Штурмбанфюрер СС Отто Крайнер. Сотрудник венского управления СД и полиции безопасности... Очевидно, из Вены был откомандирован для обеспечения безопасности объекта... Эх, Саня, Саня, умеешь ты выбирать жертв. Выжил бы этот упырь — глядишь, упростили бы мы себе жизнь.

— Сам убил — сам пусть и оживляет, — подсказал Романчук.

— Да хватит издеваться! — взорвался Булычев. — Не хотел я, товарищ майор. Наказывайте, если хотите.

Переулок наполнился шумом — прибежали красноармейцы, до этого прочесывавшие площадь. Их встретили язвительным смехом — молодцы, товарищи, так держать! У въезда в переулок остановилась полуторка с бойцами Маркуши. Тоже весьма кстати подоспели.

— Товарищ майор, все в порядке? С кем вы тут воевали? — пробился через толпу Маркуша. Свою легкомысленную фамилию он никоим образом не оправдывал — имел убедительную, даже зловещую внешность благодаря пудовым кулакам и шраму под глазом. — Виноват, товарищ майор, отстали. Панкратов заглох, не мог завести свою шарманку! Ждали, чтобы вклиниться в колонну...

— Все в порядке, что случилось, то случилось... — Гордин разогнул спину. — Эй, товарищ! — поманил он усатого сержанта, — по-

ставьте в известность соответствующую службу, пусть уберут тела, пока они воздух не испортили. Это переодетые сотрудники СС и СД, разрешаю не церемониться. Тела обыскать, все, что у них есть, собрать в кучу и доставить в ратушу майору Гордину — это я.

— Виноват, товарищ майор, — насупился сержант. — А вы, собственно... кто? У нас свои задачи...

Демонстрация служебного удостоверения подействовала. Сержант подобрался, принимая уставной вид, лихо козырнул и поспешил скрыться с глаз.

— Маркуша, возвращай людей на площадь, — распорядился Гордин, — крайнее здание в юго-восточном углу, там единственный подъезд. Из него вышла эта компания. Окружить дом, все осмотреть. Проявлять осторожность, там мог остаться кто-то еще.

— Слушаюсь! Все назад! — Маркуша замахал руками, выгоняя своих людей из переулка.

Инцидент оставил неприятный осадок. Все живы, это прекрасно, но допрос кого-то из эсэсовцев мог решить хотя бы часть задачи. Гордин сомневался, что в этом заштатном городке у службы безопасности РСХА могли быть другие дела, помимо секретной типографии.

Офицеры неспешно вернулись на площадь. «Кёнерплац», — сообщала табличка на здании со шпилем. Подчиненные Маркуши осадили

дом, в котором укрывались эсэсовцы, несколько человек забежали в подъезд.

Офицеры неторопливо дошли до аллеи, закурили, с любопытством осматриваясь. Свечников оправился от удара в живот, но дышал как-то опасно, прислушивался к позывам из организма.

— Так мы никогда не доедем, — справедливо подметил Лапчик. — Думаете, они кого-то оставили? Зачем?

Майор понятия не имел, что думать. Этот городок ему уже не нравился, а что будет дальше? Сотрудники отошли к деревьям, чтобы не мозолить глаза, разглядывали окна. В домах проживали люди, они тоже смотрели, боялись. Никто не выходил — инстинкт самосохранения у граждан Европы был весьма развит. И пропаганде Геббельса они доверяли (за неимением другой пропаганды).

В здании зашумели, затопали сапоги по лестнице. Бойцы вывели молодую стройную женщину в плаще и ботинках на каблуках. Она сопротивлялась, лицо побледнело. Женщину держали за локти, она норовила вырваться, частила что-то по-немецки. У нее были темные волосы с челкой, приятное, но несколько грубоватое лицо. Дама взмокла от волнения — бусинки пота блестели на лбу.

— Поймали, товарищ майор, — отчитался Маркуша. — Очень подозрительная особа. Вылитая шпионка.

— Шпионам смерть? — хмыкнул Несмелов, поедая глазами интересную фигуру.

— Воистину смерть, — согласился Яша Лапчик. — Согласен, подозрение налицо.

«И что в ней подозрительного?» — подумал Гордин. Даме было страшно, она кусала губы, кожа становилась пятнистой.

— Она была в той квартире, откуда бежали наши ээсовцы? — спросил Гордин.

— Никак нет, — покачал головой Маркуша, — в доме всего шесть квартир — по две на этаже. Ряженные злодеи отсиживались на втором этаже, справа. Дверь осталась открытой, внутри беспорядок, остатки еды и шнапса, ээсовская форма. Помещение не проветривали, вонь страшная. Соседняя квартира заперта, никто не отзывается. Там и нет, похоже, никого, на коврике перед дверью слой пыли. На первом этаже пожилые люди проживают, открыли, от страха трясутся, мы все осмотрели — пусто. А эта дамочка из квартиры на третьем этаже вышла — дверь закрыла ключом, стала спускаться, а мы навстречу...

— В милиции служил, лейтенант?

— Было дело, товарищ майор, — признался Маркуша. — Грабежи, убийства, прочие уродства, оставшиеся от буржуазного строя. Как вы догадались?

— Так и тупой бы догадался, лейтенант...

Офицеры заулыбались. Маркуша смутился. Женщину продолжало трясти.

— Ну, и зачем ты ее привел? Сама бы спустилась. Только не говори, что показалась подозрительной.

— Да кто ее знает, товарищ майор, — развел руками бывший страж правопорядка. — Мы ее впервые видим, проживала рядом с тем зверьем. Пусть не виновата, но должна что-то знать.

— Забыли, фрау, посмотреть в окно, прежде чем покинуть квартиру? — мягко спросил Андрей на немецком языке. — У вас плохо со зрением? Не видели, что внизу солдаты и офицеры в незнакомой форме? Любой нормальный человек в такой ситуации предпочел бы остаться дома. Вы спешите? Хотите сообщить нам что-то важное? Или все же фройляйн?

«Заигрываешь?» — поразился он нелепой мысли. Красноармейцы отпустили даму, она стояла, нервно потирая худые пальцы, и готова была провалиться сквозь землю от такого внимания к своей персоне!

— Так, всем разойтись! — скомандовал Гордин. — Продолжать осмотр местности! Скоро поедем!

— Послушайте, я ни в чем не виновна... — взволнованно заговорила женщина. — Меня зовут Микаэла Шварцен, я много лет живу в этом доме на Кёнерплац, в пятой квартире на последнем этаже... Возможно, я не посмотрела в окно, слышала выстрелы, но решила, что это далеко... Мне очень нужно идти, я спешу к отцу,

я должна быть с ним... — барышня захлебывалась от волнения, на лбу и в уголках рта образовались досадные морщинки. — Поверьте, я ничего не сделала, могу показать свои документы, они всегда со мной в сумочке... Вот ключи, проверьте квартиру, она пустая, там никого не было, кроме меня...

— У вас нет ни мужа, ни детей? «Очевидно, все же фройляйн», — подумал Гордин.

— У меня нет детей... Была замужем, но мы расстались с мужем три года назад, он уехал к своим родителям во Франкфурт... У Томаса плохое зрение, его не взяли в армию... Отпустите меня, я спешу к отцу, он должен быть на работе...

— И кто у нас отец?

— Мой папа — бургомистр Абервельда, его зовут Рудольф Шварцен... мы потеряли маму несколько лет назад, она скончалась от острой легочной инфекции... Папа живет на улице Вейгассе, у него молодая жена, с которой я стараюсь не встречаться...

Гордин чуть не присвистнул — ничего себе! Встреча с местным бургомистром в его планы не входила. Но этот человек, конечно, кристально честен, служит только обществу, его избравшему, с преступным режимом не сотрудничал...

— Поверьте, мой отец не имеет ничего общего с нацистскими властями и партией НСДАП... — стала уверять женщина. Андрей сдержал улыбку.

— Ого, товарищ майор, — прокомментировал Яша Лапчик, также знакомый с немецким языком. Он стоял в стороне и прислушивался к страстному монологу. — С ходу заводим полезные знакомства? Готовый путеводитель по здешним управленческим структурам. Если этот путеводитель не замаран, конечно, по уши...

— Помолчи, — перебил Гордин. — Фройляйн Шварцен, дайте, пожалуйста, ключи от вашей квартиры. Не волнуйтесь, ваши ценные вещи не пропадут. Наши люди просто ее осмотрят.

Женщина помялась, но достала из сумочки ключи. Проинструктированные Зинченко и Несмелов удалились, получив приказ осмотреть и нижнюю квартиру. И не задерживаться! Женщина успокоилась, но продолжала глядеть с опаской. Окружающие потеряли к ней интерес, разбрелись по площади. С улицы Фельдбергассе доносился невнятный гул — колонна не кончалась, войска спешили на север.

— Работаете в ратуше, Микаэла? — Андрей сменил тон на сравнительно миролюбивый. Женщина посмотрела на него настороженно. Если она не врала, то ее опасения имели основания. Городской глава не мог не иметь связей с нацистами, иначе никакой он не городской глава. Замаран в любом случае. Вопрос лишь — больше или меньше. Впрочем, если не сбежал, зная, что нагрешил...

— Нет, я работаю в школе. Преподаю биологию и анатомию. Но сейчас занятий нет, неделю назад был приказ закрыть все городские образовательные заведения. Дети должны сидеть дома и никуда не выходить. Так что временно я безработная. Никто не знает, что будет дальше. Дети ведь ни в чем не виноваты...

— За детей не волнуйтесь, безграмотными не вырастут. Скоро наведем порядок, начнется спокойная жизнь. Не стоит переживать, Микаэла, русские не такие ужасные, как вам наговорили. Не будет Красная армия уничтожать Европу. И рога у нас не растут, и огнеметы из глаз не торчат.

— Да, я вижу... — Микаэла шумно выдохнула, осмелела. — Вы похожи на нормальных людей...

Андрей засмеялся.

— Наши дороги сегодня совпали, Микаэла, мы тоже направляемся в ваш магистрат. Предлагаю еще одно испытание на храбрость — сесть в нашу машину и доехать вместе с нами до рабочего места вашего отца. Если выдержите, вам уже ничто не будет страшно.

— Хорошо, я согласна... — Микаэла замялась. Она пыталась улыбаться, но улыбка превращалась в траурную гримасу. — Вы же ничего не сделаете нашей семье? И другим людям... В городском самоуправлении много хороших людей, они не работали на нацистов...